

**«ДА ГОЛОС ЛОМАТЬ ЧЕРНОМОРСКИМ ЖАРГОНОМ...»:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ОДЕССКОГО ТЕКСТА»**

О.Ф. Ладохина

(кандидат филологических наук, доцент,
Московский гуманитарный педагогический институт)

У статті досліджуються особливості мовлення жителів південного міста, зафіксовані у творах письменників-одеситів 20-х років ХХ ст.

The article analyzes the peculiarities of speech of the southern cities' residents, recorded in the works of the Odessa writers in the 20's XX c.

«Одесский текст» – можно ли этим словом объединить литературные произведения таких ярких и самобытных писателей-одесситов двадцатых годов ХХ века, как Исаак Бабель, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша? На наш взгляд, вполне возможно и даже необходимо, чтобы исследовать этот поистине феерический, полный юмора и пряного запаха портового города стиль этих авторов, в свое время выделенных В. Шкловским в группу «Юго-Запад».

К особенностям «одесского текста» следует отнести:

- карнавализацию текста;
- гротескную перевернутость общественных отношений по типу английской весенней игры в «майского короля»;
- игровое начало с использованием пародийных приемов и иронии,
- вкрапление в лингвистическую ткань текста всей широты одесских диалектов, образовавшихся на выходе «плавильного котла» языков представителей многочисленных одесских диаспор;
- присутствие в произведениях специфических одесских фольклорных речевых оборотов;
- сюжетные мотивы, обусловленные особенностями менталитета одесситов.

Объектами изучения особенностей поэтики «одесского текста» могут быть, на наш взгляд, не только произведения литераторов группы «Юго-Запад», но и их предшественников: В. Дорошевича, С. Юшкевича, А. Аверченко и других, которым удалось на рубеже XIX и XX ст. создать персонажей с колоритным «одесским характером». Не могут остаться без внимания и писатели, стремящиеся следовать лучшим традициям одесской литературы, но уже на современном материале – это М. Жванецкий, О. Губарь, Б. Бурда, В. Хаит и т.д.

«Вольный город», открытый всем ветрам свободы и пестрых культурных традиций, не мог не породить «людей воздуха» - название, придуманное Менделеем Мойхером Сфоримом для определения человека, не привязанного к какому-то определенному виду деятельности, торгующего всем и ничем. Однако со временем название «люди воздуха» стало приобретать другой оттенок – оттенок легкого отношения к жизни, гибкости и жизнелюбия. И эти легкие на подъем, предприимчивые жители портового города в произведениях одесских авторов, как отмечает Е. Каракина, «разговаривали на особом языке. По текстам заочевали «тудаю» и «сюдаю», «мне с вас смешно», «я скучаю за Оперным театром», «я видеть вас идти по Дерибасовской»... и «Сема, не дрожи диван, ты лопнешь все пружины» (1, 36).

Многонациональный состав одесситов породил яркую смесь разговорных диалектов и речевых оборотов, позволяющую отнести лингвистическую ткань «русского Марселя» к уникальным явлениям.

Речевые особенности одесских жителей были обусловлены этапами исторического развития города, основанного в 1794 году в период царствования Екатерины II. В первой трети XIX века на языковое многоголосие Одессы сказывалось сильное влияние

французського, грецького, італійського і українського мов, носії яких і складали первісний національний склад «вольного міста». В часі ХІХ століття вплив німецької мови, а також в багатьох випадках від нього мови ідиш, в зв'язі з зростанням єврейського населення.

Як відзначав В.Дорошевич в фельєтоні «Одеський мов»: *О добрі німці, які принесли в Одесу секрет великопечного приготування ковбас і глагол «иметь».*

- *Я маю гулять.*

- *Ми маємо кушати.*

В Одесі всі «мають», крім грошей (2, 37).

«Німецьким мовом» іноді говорить і самий колоритний персонаж «Одеських оповідей» І.Бабеля – Бень Король: *Я маю інтерес, - сказав він, - щоб хворий Йосиф Мугинштейн выздоровів. Представляюся на всякий випадок – Бенціон Крик (3, 24).* Використовує вирази зі словника мешканців долин Рейна і Шпрее і головний герой «Золотого телятка»: *Ми будемо заготовлювати щось дуже смішне, наприклад, чайні ложки, собачьи номери або **шмуклерський** товар. Или рога і копита (4, 146) (Schmukler – німець, позументчик, бахромщик).*

Але необхідно розібратися більш детально. В.Дорошевич пише про німецькі корені багатьох одеських виразів, але в дійсності вплив мав мов ідиш, в основі якого лежить мов населення германських земель. Як підкреслює В. Ярмолинцев, «навіть при наявності в районі Одеси сіл німецьких колоністів, важко сказати, що вони могли мати таке ж вплив на одеський мов, як багаторазово переважаюча німецька громада єврейська, проникаюча в усі сфери міського життя: комерцію, політику, науку, мистецтво» (5, 65).

Особливо часто німецько-єврейські семанти можна зустріти на сторінках «Одеських оповідей»: *Слушайте, Король, - сказав молодий чоловік, я **маю сказати** вам пару слів» (3, 13); Скажи: Бень знає за **облаву** (3, 14); Папаша, - відповів Король п'яному отцю, - пожалуйте, випивайте і закушуйте, нехай вас **не волнує цих глупостей** (3, 17).* Від німецького «zwei grose Unterschiede» веде своє початок одеське вираження «дві великі різниці», ставше одним з мовних візиток мешканців портового міста. *Поїхав плавати... Правда, не під червоним прапором, а під біло-голубим, з шестиконечною зірочкою. А це, як у нас говорять, **дві великі різниці** (6, 267).* Німецьке нареччя «voraus» (вперед), вказує на майбутній характер дії, породжує в одеській мові такі незвичайні для класическої російської граматики вирази, як наприклад: *Послушайте, папаша, почав Бень еле, **III Живіть хоч ще сто років вперед** (7, 7).* Носії одеського міського койне (т.е. загальної мови, що утворюється на основі зміщення ряду родствених діалектів), використовуючи пропозицію єврейської мови «цвишн», отождествляють в розмовах слово «середі» зі словом «між», що фіксується в ряду фразеологічних поєднань з ідиш: *Во-вторых, ти на повітрі і середі людей, між всіх розмов (6, 202); Война закінчувалась, я у себе во дворі, між своїх стін (6, 372).*

Єврейську семантику містить вираження «єрусалимський дворянин»: *Складіть інструмент, в місті єрусалимські дворяни конституцію отримують (8, 147).* Іронічна Одеса породила і несподівану трактування слова «турецькопідданий» (нагадаємо, в «Золотому телятку» так визначав своє громадянство Остап Ібрагімович Бендер). В часі Палестина знаходилась під протекторатом Турції, тому для насмішливих мешканців вольного міста підданий османського державства з палестинськими коренями був не інакше як «єврей». Характерно, що на цьому ближньосхідні відголоски біографії великого комбайнера не закінчуються. Отцем жанру плутовського роману, як відомо, є живий в Персії Х століття Бади аль-Хаміди, перу якого належать 52 оповідей про походження остроумного жулика Абу аль-Іскандери, ставшого прототипом веселих плутов всіх країн і народів, в тому числі і Остапа Бендера.

Так як з середини ХІХ століття і до 20-30-х років ХХ століття, крім російських і євреїв, значущу частину мешканців Одеси складали українці, російська мова містян в невеликій ступені піддавалась впливу малоросійської мовної стихії. Особливо яскраво це

проявляється в «Одесских рассказах» И.Бабеля, где в речевой фон Юга России украинская лексика вплетается сочными и колоритными красками: «хвороба», «вечерять», «циця», «ратуйте», «отчини», «галота», «тикать», «цыть». Например: *Прочь, галота! – крикнула им Любка и увела моряков в тень под акацию* (3, 40); *Тикать с конторы. – крикнул Бенья и побежал последним* (3, 13); *Цыть мурло, ответила Любка старику и слезла с седла* (3, 39). Для обрисовки персонажей И.Бабель пользуется конструкциями с характерными для украинского языка предложениями: *Что сказать тете Хане за облаву? – Скажи: Бенья знает за облаву* (3, 14); *Возьми их под заметку, – сказал тогда Бенчик младшему брату, – держи их под микроскопом, эту пару новобрачных, потому что, сдастся мне, Левка, они копают на нас* (3, 55); *Ты можешь смеяться над эти субъектом, но я любитель сбросить иногда все эти мысли с головы* (3, 59).

Может показаться парадоксальным, но в речи основных персонажей «Одесских рассказов», а это – еврей Бенцион и Мендель Крики, Сендер Эйхбаум, Иосиф Мугинштейн, Любка Швейвейс (прозванная Казак) и другие, то и дело слышны украинизмы. Но в этом случае И.Бабель, досконально изучивший быт и речь жителей Молдаванки, несколько не погрешил против истины, имевшей исторические корни. Как отмечают В.Шишов и А.Стецюченко, «Еще задолго до основания Одессы родной язык евреев (идиш) распался на три разговорных диалекта: польский, литовско-белорусский и украинский (XVI-XVII века). Одесские евреи в большинстве своем – переселенцы с Украины» (9, 31). И тогда нет ничего удивительного в том, что старый еврей Цудечкис поет традиционную колыбельную малороссов: *А-а-а, – запел он, – вот всем детям дули, а Давидочке нашему калачи, чтобы он спал и днем и в ночи...* (3, 38).

На многих страницах «Хуторка в степи» В. Катаева тоже слышатся фразы из украинской «мовы»: *Часов в десять утра заехали в большое, наполовину молдаванское, наполовину украинское село «напувать» лошадей* (10, 20); *А вот подужу, – кряхтел дед, тяжело переводя дыхание – Та, ей-богу, не подужите! – Побачимо! – Побачимо!* (10, 66); *Я матрос... сховайте где-нибудь... а то повесят... ей-богу, правда... святой истинный...* (10, 90).

В «Золотом теленке» лингвистическая картина одесской речи еще более пестрая. Помимо латинских выражений, зазубренных великим комбинатором в третьем классе частной гимназии Илиади («пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер» (4, 168)), можно услышать и цыганские мотивы: *Шел трамвай девятый номер, // На площадке кой-то номер, // Тянут, тянут мертвеца, // Лампа-дрица. Ца-ца* (4, 106), и имя представителя одной из голландских ответвлений протестантской веры (*Бессеребряник, с-сукин сын! Менонит проклятый, адвентист седьмого дня!* (4, 322)), и арабский титул всемогущего правителя (*Я – эмир-динамит! – кричал он, покачиваясь на высоком хребте* (4, 287)), и название древнего богатейшего государства в Индии в имени любимой родственницы зицпредседателя Фунта (*Я выдал замуж внучку, Голконду Евсеевну, и дал за нее концертное фортепьяно, серебряную птичку и восемьдесят рублей золотыми десятками* (4, 150)). В романе И.Ильфа и Е.Петрова представлены и синтетические кальки из разных языков. Так, в известной с 90-х годов XIX века детской считалке *Энеэ, бэнэ, раба, квинтер, финтер, жаба* (4, 150) можно обнаружить и латинские (квинтер, бене и т.п.) и еврейско-немецкие элементы (некоторые немецкие фольклорные тексты начинаются словами «Enige, benige...»).

Не менее значимо влияние на одесскую речь и греческой диаспоры, составлявшей существенную часть населения припортового города в первые годы его становления. Недаром В. Дорошевич отмечал, что «таков одесский язык, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески с польским соусом» (2, 37). Еще в начале XX века в Одессе отдавали предпочтение неологизмам греческого происхождения перед их синонимами французского или английского происхождения (ср.: прожектор – гелиотроповый фонарь, велотрек – циклодром и др.). В речи моряков «вольного города» до сих пор используются некоторые эллинизмы из старой морской терминологии (борей, демено, бандера и т.д.). Греческие слова, использующиеся в одесском городском койне, попали и в общерусский жаргон (опа! = стой, кореш, корефан, фармазон).

Но одесский язык славен не только разнообразной смесью разговорных диалектов и влиянием на него речи различных диаспор; этот язык отличается удивительной гибкостью и образностью. Ю. Олеша, сам большой мастер огранки слов, тонко подметил эту творческую особенность жителей Дерibasовской и Молдаванки: *...Ах, одесситы все готовы // На новый лад слова менять - // Здесь лишь разводятся коровы, // Написанные через ять...* (11, 119). Другой представитель одесской словесности – В. Жаботинский, в своих произведениях старавшийся избежать вольностей черноморских наречий, тем не менее с восхищением отзывался о метафоричности и точности выражений городского койне: *«Держут за босявку» Прелесть! «Держут» значит считают. А босявка – это и перевести немислимо; в одном слове целая энциклопедия неодобрительных отзывов* (1, 55).

Явно не проиграют в соревновании по «нарядности речи» и главные герои «Одесских рассказов» и «Золотого теленка». Вот высказывания взвешивающего каждое слово Бени Крика: *Вы имели сердце послать матери нашего покойного Иосифа сто жалких карбованцев. Мозг вместе с волосами поднялся у меня дыбом, когда я услышал эту новость* (3, 25); и еще: *И вот я буду говорить, как говорил господь на горе Синайской из горящего куста. Кладите себе в уши мои слова* (3, 26). А это – полные сарказма фразы великого комбинатора о нравах и быте нэповской России: *Конечно, - с горечью сказал Остап, - по случаю учета иницелей столовая закрыта навсегда. Придется отдать свое тело на растерзание частникам* (4, 17)); и здесь же, рядом: *Надо мыслить, сурово сказал Остап. – Меня. Например, кормят идеи, Я не протягиваю лапу за кислым исполкомовским рублем* (4, 22).

В образности речи эстафету писателей послереволюционного «Юго-Запада» в наши дни подхватил М. Жванецкий. Вот его герои рассуждают об особенностях человеческой фигуры: *Все-таки лучше большой живот, чем маленький горб* (12, 125); другой темой становятся взаимоотношения в садовом товариществе: *Опять он подкачивает, подсасывает. Феликс! Перестаньте подкачивать, вы отсасываете воду у коллектива* (12, 21); здесь оценивают продукты питания в категориях эстетики: *Торт – это лирика. Тараньку давай!* (12, 165); и, наконец, переходят к гендерным проблемам: *Тебе, родная, нужно быть красивой завтра к восьми, а мне умным – круглые сутки* (12, 191).

Особый колорит лингвистическому фону одесских улиц придает экспрессивность и повышенная эмоциональность речи его жителей. Здесь, видимо, сказывается историческое влияние крикливой и темпераментной речи предков многих одесситов – южан из европейских портовых городов: французского Марселя, итальянской Генуи и греческой Салоники. Экспрессия придает речи выразительность, напор повышает шансы победить в словесной схватке. Воспроизведем речь одного из «детей лейтенанта Шмидта»: *Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции... Поезжайте и спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым* (4, 111). Сходные речевые обороты свойственны героине рассказа И.Бабеля «Конец богодельни»: *...мы работы не бежим... О нас пусть спросят в Екатеринославле... Екатеринославль знает нашу работу* (3, 70), а также торговки, ставшей символом одесского Привоза: *Можете спросить каждого, и каждый вам скажет, что мадам Стороженко таки что-нибудь понимает в фрукте* (10, 80).

Паниковский из «Золотого теленка» еще не раз предстанет перед читателем натурой эмоциональной, хвастливой и обиженной судьбой: *Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться? Я не знаю никакого Козлевича... Какой может быть в этот момент Козлевич?* (4, 134). И еще: *Не говорите так! – закричал перепугавшийся Паниковский, - Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит* (4, 136). Ю.Щеглов отмечает, что «хвастливые, вызывающие речи и именованием себя в третьем лице – черта «еврейского стиля» в литературе. Ср. фабриканта Гросмана в драме С.Юшкевича «Король»: *С Гросманом они (забастовщики) ничего не поделяют. Гроссман – это Гроссман... Гросман плюет на забастовки, на революции, на погромы... гросман остается гроссманом, он смеется над вами... Что он потерял? Он плюет на вас!.. Гроссман не сдается* (13, 508).

Одесской речи придают своеобразие и неожиданные, подчас даже фантазмагорические метафоры. Нелепица, гиль в этом случае непостижимым образом схватывают саму суть явления, а абсурдистский фокус зрения позволяет увидеть своеобразную «тень отца Гамлета» (фантазмагория – от греческого слова «призрак, явление»), т.е. узнать трезвую, беспощадную правду. Вот фразы персонажа 20-х годов XX века маклера Цудечкиса («Одесские рассказы»): *Я почистил мое тело платяной щеткой и переслал его Бене. Король сделал вид, что не заметил моего тела. Тогда я кашлянул и сказал: «Так и так, Бенья»* (3, 44); *Я пошел со двора, пустился идти по госпитальной, завернул на Степовую, потом остановился, чтобы рассмотреть Бенины слова. Я попробовал их на оцупь и на вес, я подержал их между моими передними зубами и увидел, что это совсем не те слова, которые мне нужны* (3, 45). «Причудливый бред» героев И.Бабеля в наше время трансформируется в тонкие «гэги» одесских персонажей М.Жванецкого: *Все, я убираю со стола. Тюльку как раз можно держать. Я ее держу в банке с маслом. – «Почему вы ее держите? Она что, вырывается?»* (12, 31) и *Вы же женщина – эти цветы для вас. – «Что я должна делать? Мне даже некуда сесть»* – *Голоса. «Садитесь на цветы – вы женщина»* (12, 153).

В 1927 году в стихотворении «Контрабандисты» романтическую оду одесской речи воспел Э. Багрицкий: *Вот так бы и мне // В налетающей тьме // Усы раздувать, // Развалясь на корме, // Да видеть звезду // Над бугшпритом склоненным, // Да голос ломать // Черноморским жаргоном...* (14, 277-278). И здесь, видимо, главный «птицелов» литературы «Юго-Запада» поневоле попал в точку: контрабандой в Одессу приплывали не только французские и итальянские вина, греческое оливковое масло, немецкие промышленные товары; в крупнейший порт юга России без паспортов и шенгенских виз попадала невообразимая смесь наречий европейских городов, породившая яркий и всеми любимый феномен колоритной одесской речи.

1. Каракина Е. По следам Юго-Запада. – Новосибирск, 2006.
2. Дорошевич В. Одесский язык // Одесский юмор (Антология Сатиры и Юмора России XX века). – М., 2010.
3. Бабель И. Одесские рассказы. – СПб., 2009.
4. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. – М., 2009.
5. Ярмолинец В. Одесский узел Шкловского // Волга. – 2011. – № 1.
6. Пойзнер М. С Одессой надо лично говорить (Из подсмотренного и подслушанного). – Одесса, 2001.
7. Донская С. Ша! Слухи ходят за Одессу: Стихотворения. – Одесса, 1998.
8. Бабель И. Избранное. – Минск, 1986.
9. Шишов В., Стецюченко А. Одессизмы в рассказах И.Э.Бабеля // Язык и стиль произведений И.Э.Бабеля, Ю.К.Олеши, И.А.Ильфа и Е.П.Петрова: Сборник научных трудов Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова. – К., 1991.
10. Катаев В. Повести и рассказы // Одесский юмор (Антология Сатиры и Юмора России XX века). – М., 2010.
11. Олеша Ю. Новейшее путешествие Евгения Онегина по Одессе // Одесский юмор (Антология Сатиры и Юмора России XX века). – М., 2010.
12. Жванецкий М. Одесские дачи. – М., 2007.
13. Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. – СПб., 2009.
14. Багрицкий Э. Контрабандисты // Строфы века. Антология русской поэзии. – Минск-Москва, 1995.